

Федор ИВАНОВ

Два послания

<Фрагменты>

I

Возвещу вам, возлюбленнии мои отцы и матери, и братия о Христе, да познаете, како мя, грешнаго диякона Феодора, покарjali к новому нечестию на Угреше¹ и чего ради аз в малепосходил им тамо, сеядя в темнице.

Егда изгнаша нас архиерее из сонмища своего и священнй сан содраша с нас, со священным протопопом Аввакумом, во един день, и егда изведоша мя из церкви, и аз, грешный, и ту людем, безчисленным стоящим, светлым гласом пропевах истинну, сложа в руке своей крестное знамение, и горе* то воздвиг, и возопил к народу: «За сию истинну стражду и умираю, братия, и за прочия догматы церковныя!»

И в ту пору, отведше, посадиша мя в холодной чюлан на Патриарше дворе, и тут сидел два дни за сторожами.

И на третей, по утру за три часа, пришедше от царя воины, взявше и ведоша мя ко Красному крыльцу. И сверху сошел голова и спросил: «То ли диякон благовещенской?» И они сказаха: «Тот». И повелел голова стрельцом взявше и посадити за караул у Каменнова мосту².

И егда стало свитать, тогда пришел полуголова и велел за собою вести стрельцом безоружным ко Тресвятцкому мосту, и тут приехал думной Дементей и сказал мне: «Поедь, куды повезут, и не кручинься: сердце царево в руке божи».

Аз мнел, яко царь в Коломенском и к нему везут мя на роспрос, понеже подал в церкви тогда челобитную за печатью, — великия дела божи писаны, — и чаял, сам царь там спрашивать станет: и ево дела были тут писаны.

Егда выде за город, появились извошники и стрельцы со оружием и, посадивше на телегу, повезли мимо Коломенсково, не вем куды, странным** путем по берегу Москвы реки да по болотам, а не прямою

* Вверх.

** Окружным.

дорогою, ко Угрешскому монастырю, чтоб никто не видал знакомой, куды посадят. И по сем, ехавши, аз оглянулся и увидех: вдаль мене отца Аввакума везут. От Москвы повезли на свету, а на Угрещу привезли в осмом часу.

И как привезли к монастырю нас, и взяли отца Аввакума два стрельца под руки, и обвища главу его япанчею, и повели на монастырь сторонними* враты, что от рощи. И аз, необычное зря, ужасом одержим, стах, помнех в себе: в пропасть глубокую хотят нас сажать на смерть; начах прощатися со женою и чады и со всеми вами, верными.

И отведше Аввакума, — не ведал, камо его деша, — и пришед полуголова, и велел стрельцом взять мя тако же, а главу мою со очима рогожею покрыта и до ног. И, приведше, посадиша мя в башню пустую, а бойницы замазали и двери заключили.

И по малех днех стал полуголове бить челом, чтобы веску подал жене моей, где сосланы, чтобы жена моя, безвестнаго ради сослания, напрасной смерти не предала себе и души своея не погубила мене ради, грешнаго; и посул давал ему, он же не восхотел отнюдь послати вести: «Царя, де, не смею».

И по триех неделях помысли, окаянный, молити всецедраго бога, дабы известил сердцу моему Христос, аще неправо что старое наше благочестие и новое что добро. И три дни, грешный, не ел, и ни пил, и не спал, токмо плача милости просил у творца своего. И Христос, спас мой, паче еще сердце мое утвердил, яко умрети за все старые, а новаго — совесть моя сложилася сердцу — отнюдь ни во что не примати: «Все лукавством составлено», — глагола во мне совесть. И не ядши, изнемог. И караулшики, видевше мя изнемогоша, сказали полуголове. И он, пришед, спросил мя: «Что, де, диякон стар, не ешь?» И аз рек: «Изнемогаю». — «Ино, де, бы призвати отца духовнаго?» — И аз ему рек: «Порадей, пожалуй!» А исповедаться подумах: либо какову смерть нощию внезапно сотворят, и отец, реку, духовной, скажет вестку жене, где мы.

И как аз стал просити духовнаго отца, и полуголова: «Не смею, — рек, — без царева ведома дать». И о том отписал к думному Дементию³. И Дементей царя доложил, и царь ево ко властей послал, и власти в монастырь, Павел с товарищи⁴, грамоту прислали по государеву указу: «Тако, де, покаряется нам; повелеваем его исповедати и причастить». И допрашивал меня игумен монастыря того: «Покаряеши ли ся церкви и собору нынешнему?» И аз сказал противу: «Покаряюся святой соборной церкви восточной, что прияла древле и держит догматы». И написавши они скаску мою, велели руку приложить.

* Боковыми.

И в полночь прислали ко мне слугу с нею. И аз прочел и увидел: у них написано, чтобы мне на предния слова не обращаться. И не хотел руки так приложить: «У меня, — рек, — слов никаких худых не бывало». И слуга мне рек: «Да уж, де, скажут они». И аз подумах: «Уш то, — реку, — в чем аз промолвился где?» И приложил руку, постояв.

А тово не ведах, что в дому моем все перепечатали, и слова многия собираны были у мене от божественных писаний, и старца Спиридония⁵ на их отступление и на лукавья догматы их, и то все у меня без нас взяли, и ныне не вем, где их девали. И после скаски стал аз просити отца духовнаго, добраго старца, у игумена и полуголовы; и они сказали мне: «Как, де, станешь умирать, тогда дадим отца духовнаго». И аз встал здрав о Христе: «Челом, реку, бью на милости вашей!» И паки писал аз им, что святой соборной и апостольской восточной церкви ни в чем не противлюся.

И после того вскоре дал бог царю государю сына Ивана царевича, и тоя ради радости царь нас ис темницы свободил и взяли к Москве.

И опять дияки розпрашивали меня в приказе Патриарше, и аз те же слова говорил, что восточной церкви и догматом ея древним не противлюся. И отдали Павлу краснощокому⁶ под начал на двор.

Тот враг лукавой много надо мною казньствовал* и всем, стоящим в вере, рыет яму и царевым сердцем мутит. И егда стали священнику Никите⁷ ругаться, будто он за неправду стоял, а он, не претерпя их томления, дал повинную и, по Пожару ходя, прощался, не согрешив, пред народом, и аз слышах, — такое лукавство над нами творити начинают, — место гневу их дал: взявши жену и чад, убежавши, скрылся, рек в себе: «Лутше ми умрети, нежели соблазнити единаго от малых, верующих праве».

И егда услышах, яко ищут мя прилежно и грамоты посылают по градом и друзей моих по Христе стали *истязовати*, приводя в приказ, и крепити во мне, тогда аз паки пришел сам свою душу за них положить, а их чтобы свободили, пожаловали. Спаметовал аз спаса своего слово, еже рече: «Больши сея любве никто не имать, еже кто душу свою положит за други своя». То мое, светы, все повинование.

II

<...> Тако бо и наш московский *царь Алексей Михайлович*, прельщенный от Никона, еретика и отступника, при смерти своей позна неправду⁸ свою и законопреступление свое, и отпадение от правых веры отеческия, и вопияше великим гласом, моляся новым препо-

* Издевался.

добномучеником соловецким: «О господне мои! Послушайте мя и ослабите ми поне мало, да покаюся!» Предстоящий же ту и сидящий вопросиша его, глаголюще со ужасом: «Кому ты, *царь-государ*, молишия прилежно и умильно?» Он же сказа им, яко «ко мне, — рече, — приидоша старцы Соловецкаго монастыря, и растирают вся кости моя и составы* тела моего пилами намелко, и не быти живу от них! Пошлите гонца скоро и велите войску отступить от монастыря их!» Боляре же посла гонца скороаго, по повелению цареву. Ин в то время самыя болезни его взят бысть монастырь⁹ и разорен, и братия вся, иноцы и белцы, побиени быша и замучены разными муками лютыми и необычными, и Никонор¹⁰ преподобный, архимандрит и многолетний старец, иже и отец духовный бе ему, *царю Алексею* на службе, и той замучен бысть ту разными муками во едином часе от стрелецкаго головы Ивана Мещерскаго, сатанина угодника. И гонца он послал к царю на радости, чая себе великия почести, еже взял монастырь и пригубил всех живущих в нем; гонцы же оба на пути сретостася¹¹ и сказаста другдругу, чего ради послана, и без пользы возвратишася кождо во своя. *Царь же* потом скоро скончася недобре. И по смерти его в той же час гной злосмраден изыде из него всеми телесными чювствы, и затыкающе бумагою *хлопчатую*, и едва возмогоша погребсти его в землю.

И по нем прием державу царствия его *царевич Феодор Алексеевич*, и по наказанию отца своего повеле в Соловецкой обители *Пантократорове* службе церковной по старым книгам бытии¹², за них же пострадаша до смерти *архимандрит* и старцы, и вси трудники Христовы, и прочая вся держати по чину и по уставу святых чюдотворцев новопосланному *архимандриту*.

Патриарх же Яким, отступник отеческаго благочестия и паршивый пастырь, не восхоте тому быти, и приказал по-новому вся быти и творити, стыда ради своего, понеже на соборици том¹³ лучший сват бысть, всякия от царя ответы и лести**, и страхи и ласки, и прещения и моления, и обличения новыя бляди*** относил. <...>

* Суставы.

** Обманы.

*** Иносказательно: новой веры.